

Исправление священных историй

Михаил Минаков ¹

Аннотация: Это арт-эссе представляет семь визуально-философских экспериментов, в которых великие библейские и мифические катастрофы получают искусственно счастливые финалы. В историях про Вавилон, Давида и Голиафа, Лаокоона, Ноев ковчег, Иону, Блудного сына и Четырёх всадников Апокалипсиса автор показывает, что катастрофа в священной истории является не ошибкой, а условием смысла, культуры и нашего морального воображения. Исправленное прошлое оказывается не спасением, а отменой настоящего: устранение трагедии уничтожает те формы жизни, памяти и мысли, которые из неё возникли. Иронически сопоставляя теодицею, альтернативную историю, конспирологическое мышление и современную административную веру в процедуру, эссе раскрывает комическую и опасную сторону желания «починить» историю.

Ключевые слова: священная история, катастрофа, альтернативная история, теодицея, моральное воображение

В нашу расколдованную эпоху нет жеста более благочестивого, чем желание переписать — а то и вовсе отменить — катастрофу. Конспирологи и сочинители альтернативных историй — это последние богословы: только они ещё верят, что история обязана иметь смысл. А когда обнаруживается, что она смысла не имеет или имеет его неприлично мало, они предлагают её подлатать.

Перед вами мой альбом, созданный в соавторстве с ChatGPT. Но одновременно это и их, альтернативно-историческое, тайное руководство. В нём собраны семь священных катастроф, и каждая из них исправлена: ей возвращён счастливый финал, который Провидение или языческие боги по своей рассеянности забыли вовремя предоставить.

Результат получается райский и, увы, совершенно непригодный для жизни. Священные истории священны не вопреки своим бедствиям, а именно благодаря им. Потоп учреждает современную среду обитания. Падение башни

---

¹ Михаил Анатольевич Минаков — философ и фотограф из Милана. Научные интересы: онтология, политическая философия, история западной философии. Долгое время работал и преподавал в Киево-Могилянской академии (Украина) и Международном научном центре им. Вудро Вильсона (США). Информация о книгах и статьях М. А. Минакова находится на авторском сайте: <https://www.minakovphilosophy.com/>.

рассеивает языки. Змей, как бы ни хотелось его уволить из истории за токсичное поведение, становится повитухой человечества. Исправить эти истории — значит совершить доброжелательное стирание самой почвы, на которой мы стоим.

То, что следует ниже, — ироническая теодицея в семи картинах, альтернативная история альтернативной истории, малая феноменология желания сделать так, чтобы всё закончилось хорошо.

Читатель предупреждён: каждое улучшенное прошлое растворяет какое-нибудь настоящее — в том числе, весьма вероятно, настоящее самого автора или же самого читателя.

Вавилон

*Улучшенная версия «Вавилонской башни»
Питера Брейгеля Старшего (1553)*

Первое улучшение завершает то, что Бог когда-то прервал. Башня стоит — сияющая, золотая, безупречная. Ангелы спускаются не для того, чтобы смешать языки, а чтобы вручить грамоту за выдающиеся достижения в области вертикальной интеграции. Наконец-то успех. Но какой ценой?

Если бы Вавилонская башня была достроена, не было бы народов, перевода, философии. Ведь философия — дитя непонимания. Только существо, обречённое жить среди разных языков, однажды спрашивает: «А что, собственно, означает это слово?» Одноязычное человечество не мыслит — оно сообщает. Оно не спрашивает — оно подчиняется.

Достроенный Вавилон — это приглаженная онтология: один язык говорит одну мысль одному Богу. Иными словами, это первоначальная тоталитарная мечта, которую каждая империя от Аккада до Кремниевой долины пытается заново построить под видом оптимизации коммуникации.

Падение башни было не наказанием, а первым актом плюрализма. Бог здесь выступает не небесным цензором, а первым переводчиком, первым философом, и даже первым либералом. Он разрушил не архитектуру, а монополию смысла.

Мы — благодарные дети Его поступка.

Давид и Голиаф

*Улучшенная версия картины Караваджо
«Давид с головой Голиафа» (1610)*

В исправленном Караваджо мальчик и великан поднимают бокалы вместо камней. Они, судя по всему, уже всё обсудили и уладили. Сцена трогательная: конфликт урегулирован, насилие предотвращено, посредники довольны, а протоколы подписаны.

Остаётся только одна проблема: нет царства, нет Псалмов, нет Мессии из рода человека, который так и не бросил камень. Нет западной культуры, к которой могли бы прикрепиться тысячи метафор о «Давиде против Голиафа». Нет историй о слабом, побеждающем сильного; нет Золушек; нет стартаперов, рассказывающих инвесторам, что они «маленький Давид на рынке гигантов».

Примирение — самая глубокая форма ревизионизма. Оно отменяет прошлое, делая настоящее ненужным. Бокал вина уничтожает пращу; вместе с пращой исчезает вся моральная воображаемость малого перед лицом большого.

Картина трогательна именно потому, что она фатальна. Она изображает человечество, которое решило проблему асимметрии, и тем самым потеряло свою главную школу мужества. Выпить с врагом — по-славянски благородно. Но никогда не иметь врага — значит не иметь истории никогда.

Лаокоон

*Улучшенная версия скульптурной группы «Лаокоон и его сыновья»
(римская версия утраченного греческого оригинала)*

Жрец Аполлона держит змей над собой так, словно рыбак демонстрирует утренний улов на рынке. Сыновья спасены, предупреждение услышано, троянский конь отвергнут у ворот. Все живы. Все разумны. Все, наконец, прислушались к эксперту.

В результате Европа не придумана.

Троя не падает. Эней не бежит. Нет «Энеиды» — нет Рима. Нет латыни. Нет Ватикана. Нет Петrarки. Нет итальянского языка — прости, Мария Грация. Спасти троянского жреца — значит отменить Вергилия, а вместе с ним и весь средиземноморский собор словесности, в котором мы до сих пор обитаем.

В этом и состоит странная демократия катастрофы: даже те, кого мы любим больше всего, обязаны своим существованием бедствиям, которые они, окажись они там, попытались бы предотвратить.

Змеи, душащие Лаокоона, — не просто мстители от Аполлона. Они еще и повитухи истории. Мука Лаокоона и его детей была условием нашей возможности. Его победа над змеями — наше тихое исчезновение.

Поза базарного продавца рыбы оказывается улыбкой небытия.

Ноев ковчег

Усовершенствованная версия «Ноева ковчега» Эдварда Хикса (1846)

Здесь исправление выглядит как чистейшая щедрость. Спасены единороги, драконы, пегасы, фениксы и даже морской змей с несколько смущённым выражением существа, которое догадывается, что вообще-то является вымышленным. Универсальное гостеприимство. Ни одного вида за бортом. Даже допотопные существа получают посадочный талон.

И всё же именно здесь возникают онтологические неприятности: единорог существует в нашем воображении только потому, что Ной его не взял. Мифическое животное, теологически говоря, есть то, чего не было в ковчеге. В этом и состоит вся его служебная обязанность в мироздании. Протащить его на борт — значит его отменить.

Улучшенный ковчег — это музей, где хоронят чудо. Каждое чудовище занесено в реестр, каждая химера получила стойло, каждая невозможность зарегистрирована у портового смотрителя. Чудо, внесённое в инвентарную книгу, начинает пахнуть не тайной, а бухгалтером.

В оригинальном ковчеге Хикса — с его лошадьми, львами и прочей добропорядочной зоологией — оставалось место для воображения. Поля картины ещё могли быть заселены теми, кто не взшёл на борт. Исправленная версия закрывает эти поля окончательно.

Это мечта полного борхесовского каталога. Но полный каталог — кошмар всякого поэта.

Спасите единорога — и вы его погубите.

Иона

Улучшенная версия картины Питера Ластмана «Иона и кит» (1621)

Исправленный Ластман показывает нечто подозрительно похожее на добровольное возвращение Ионы в кита. Или, возможно, толпа помогает ему вернуться внутрь. Так или иначе, отношения пророка с левиафаном приобрели несомненный оттенок взаимного гостеприимства, почти семейной привязанности.

Это хайдеггеровское обиталище в самом буквальном смысле: Иона находит дом в брюхе чудовища, обнаружив, что Ниневия со своим покаянием, администрацией и городской моральной отчётностью куда менее пригодна для проживания, чем пищеварительный тракт госчудовища.

Парадокс, но внутренность хищника на поверку оказывается внешностью истории. Иона больше не проповедует — он ездит на работу. Кит становится первым в мире таймшером, а пророк — его первым долгосрочным арендатором.

Но как же Божья миссия? Что с предупреждением великому Городу? Что с Ниневией? Всё это тихо забыто — как обычно забываются миссии, когда человек нашёл достаточно удобное место для сна.

Левиафан, как выясняется, тоже философ: он находится в постоянном контракте со своим пророком.

Блудный сын

*Усовершенствованная версия картины «Возвращение блудного сына»
Рембрандта ван Рейна (1668)*

Здесь исправление внезапно меняет направление и раскрывает свою тайную грамматику. Нежный Рембрандт поправлен, сделан жестоким. Отец заносит розги над коленопреклонённым сыном; старший брат удовлетворённо кивает; справедливость наконец восстановлена.

Это самая честная картина всей серии, потому что она показывает, чего на самом деле хочет мышление альтернативной истории. Оно хочет не счастья, а закрытия счетов.

Мышление альтернативной истории не выносит благодати, потому что благодать по определению незаслуженна, избыточна, неприлична с точки зрения бухучета реальности. Оригинальная притча была оскорблением справедливости — притчей о неприличии родительской любви. Такая любовь не воздает по заслугам: она возвращает того, кто должен был бы быть списан из личного состава семьи.

Исправление восстанавливает моральную экономику ценой единственного смысла, ради которого притча была рассказана. Оно возвращает миру порядок, но отнимает у него милость. А порядок без милости — это уже не этика, а хорошо организованная месть.

Присмотритесь внимательнее: каждая конспирологическая теория, каждая альтернативная история и каждое исправление прошлого в глубине своей есть жалоба старшего брата.

Почему его простили? Почему ему отдали перстень? Почему мир оказался настолько несправедлив, что позволил себе быть добрым и милостивым?

Четыре всадника

*Улучшенная версия картины Виктора Васнецова
«Четыре всадника Апокалипсиса» (1887)*

В последней картине Апокалипсис административно побеждён. Четыре всадника лежат поверженные у ног вооружённых миротворцев под флагами Организации Объединённых Наций. Агнец безвредно парит над ними, понижен в должности до логотипа. Конец света отложен международным консенсусом.

Как умеренный пацифист, я борюсь с соблазном рукоплескать. А как феноменолог — плачу.

Апокалипсис, теологически говоря, есть не уничтожение, а раскрытие: ἀποκάλυψις, снятие покрывала. Победить четырёх всадников голубыми касками — значит поставить вопрос о снятии покрывала на голосование Совбеза. Радуга остаётся, но теперь она светит подписанию мирного договора.

Мы заменили эсхатологию процедурой. А процедура не может привести к миру, потому что она вообще не умеет ничего заканчивать. Она может только назначить следующее заседание, создать рабочую группу и поручить секретариату подготовить пересмотренный проект повестки.

Картина одновременно комична и элегична: человечество спасено от откровения — и, будучи спасённым, проклято на бесконечные совещания.

***

Что же продемонстрировал этот семичастный арт-экзорцизм?

Он показал, что священные истории священны именно потому, что заканчиваются плохо. Или, точнее, потому что в них плохой конец оказывается началом смысла. Катастрофа — это школа, в которой было воспитано наше моральное воображение. Улучшить её — значит совершить эвтаназию смысла.

Конспиролог и альтернативный историк, эти запоздалые и одинокие богословы, не могут вынести мира, в котором утрата подлинна, а катастрофа не подлежит исправлению. Их благочестие трогательно, но их политика смертоносна: прошлое, которое они хотят починить, есть именно то прошлое, из которого они сами родились.

Каждый из нас — потомок тысячи неисправленных бедствий. Исправьте их — и вы отмените себя. Устраните случайность, и исчезнет тот, кто мечтал о необходимости. Спасите всех — и некому будет рассказать, что спасение состоялось.

Ирония этого альбома обращена против него самого. Он ведь тоже является исправлением: улучшением, альтернативной историей альтернативных историй. Он насмехается над заговором, и с подмигиванием вступает в него.

Единственно честный читатель — тот, кто закрывает книгу, смотрит на
неисправленный мир и смеётся чуть громче, чем вчера.
